

Снова вмѣстѣ съ Плехановымъ.

Свое извѣстное письмо къ рабочимъ, написанное въ дни первой Государственной Думы, основатель русской соціалъ-демократіи подпісалъ: „беззаконно преданный вамъ Г. Плехановъ“...

А нѣсколькими мѣсяцами раньше, на Стокгольмскомъ съѣздѣ нашей партіи, защищая меньшевистскую резолюцію по вопросу о Государственной Думѣ и обращаясь къ съѣзду, Г. В. Плехановъ спрашивалъ:

„Скажите, товариши, сколько здѣсь присутствуетъ рабочихъ? (крики: двадцать). Ну, вотъ видите, только двадцать. Это очень мало. Конечно, не вина наша, что мы, не принадлежа къ рабочему классу, стали подъ знамя соціалъ-демократіи. Это наша заслуга. Но эта наша заслуга въ то же время и наше несчастіе. Чтобы отдѣлаться отъ него, надо воспитывать пролетариатъ, выводить его на широкую арену историческихъ столкновеній“.

То, въ чёмъ въ 1906 г. Г. В. Плехановъ видѣлъ „несчастіе“ нашей партіи, въ послѣдній годъ своей жизни онъ испыталъ и какъ „несчастье“ личное.

Не съ Плехановымъ былъ пролетариатъ Россіи въ годы великой европейской войны и въ мѣсяцы русской революції.

„Беззаконно преданный“ рабочему классу—онъ былъ взятъ подъ подозрѣніе дроздами русского соціализма, насыщенныміи на пораженческій ладъ въ Циммервальдѣ и Кинталѣ. Нынѣшними „патріотами соціалистического отечества“, онъ былъ объявленъ измѣнникомъ соціализма и интернаціонала.

За „старые заслуги“ онъ былъ почтенъ торжественной встрѣчей на финляндскомъ вокзалѣ; иногда получалъ приглашенія на засѣданія совѣтовъ, совѣщаній, комитетовъ и т. д. въ качествѣ „представителя русской исторіи“, но... и только.

Къ пролетариату его не подпускали. Рабочихъ все-мѣрно оберегали отъ „вреднаго“ вліянія его взглядовъ на войну и задачи русской революціи...

Съ момента пріїзда Плеханова въ Россію прошло
больше года.

Плехановъ умеръ. Похоже на то, что умираетъ Россія. И, если не смерть Плеханова, то смерть Россіи, которую онъ такъ любилъ, многихъ и многихъ заставилъ при-
задуматься надъ всѣмъ томъ, что говорилось, писалось
и—главное—дѣлалось партіями „революціонной демо-
кратіи“ во время войны и революціи...

Въ рабочемъ классѣ сейчасъ происходитъ двоякій
процессъ.

Широкія массы рабочихъ вообще уходятъ отъ по-
литики. Море рабочей жизни еще волнуется, иногда
даже очень сильно. Но періодъ настоящихъ глубокихъ
бурь уже позади.

Вмѣстѣ со всею страной умираетъ и русское рабочее
движеніе.

И вотъ параллельно съ этимъ процессомъ наблю-
дается другой.

Среди передовыхъ рабочихъ все чаще и чаще раз-
даются рѣчи о необходимости немедленнаго пересмотра
всѣхъ тѣхъ положеній, которые въ истекшіе мѣсяцы
революціи преподносилась рабочимъ, какъ послѣднее
слово революціонной тактики и соціалистического долга.

И въ связи съ этимъ приходится все чаще и чаще
слышать имя Г. В. Плеханова.

Надо прямо сказать: въ сознаніи передовыхъ рабо-
чихъ Плехановъ не умиралъ ни на одну минуту. Рабочіе,
прошедшіе школу марксизма, учившіеся на сочиненіяхъ
Плеханова, знаяше исто́рію его сорока лѣтнаго служенія
дѣлу пролетаріата, конечно, не могли забыть своего
учителя. Но что подѣлаешь, если сила стадности такъ
велика въ человѣческомъ обществѣ, если, въ частности,
въ Россіи такъ легко „зачумить“ человѣка, и, съ дру-
гой стороны, такъ мало у насъ людей, способныхъ
плыть противъ теченія...

И вышло вотъ что: о Плехановѣ думали, его „уважали“, но имя его произносить боялись.

„Намъ нельзя будетъ выступать на рабочихъ соб-
раніяхъ, если мы открыто солидаризуемся съ Пле-
хановымъ“—такія рѣчи часто приходилось слышать за
время революціи.

Никогда не позабуду восторга одного очень видного
рабочаго—меньшевика во время встрѣчи Плеханова на
финляндскомъ вокзалѣ. Я увѣренъ, что въ глубинѣ
души онъ и тогда былъ „плехановецъ“. Но, когда черезъ
мѣсяцъ—другой послѣ этого я заговорилъ съ нимъ
(правда, не съ глазу на глазъ) на тему о Плехановѣ,
онъ, какъ апостолъ Петръ, отрекся отъ своего учителя.

И такихъ случаевъ было очень много.

Многіе изъ тѣхъ, которые хотѣли-бы для Плеханова
„популярности“ въ рабочихъ массахъ, жаловались: „За-
чѣмъ онъ такъ опредѣленъ? Зачѣмъ ставить всѣ
точки надъ і? вѣдь все то, что онъ говоритъ, можно
было-бы сказать иначе, не такъ рѣзко“...

Плехановъ былъ глухъ къ этимъ соવѣтамъ.

По слову поэта, „онъ съ высоты взиралъ на жизнь“:
съ высоты ума, таланта, громадныхъ знаній, крѣпкой
душы своей.

И видя и провидя то, что было скрыто отъ помра-
ченныхъ взоровъ многомилліонной трудящейся массы,
чего не видѣли также и близорукіе вожди ея, онъ воз-
вышалъ свой предостерегающій голосъ и не боялся
тѣхъ „анаѳемъ“, которымъ предавали его фарисеи изъ
Таврическаго Дворца или Смольнаго Института.

И онъ былъ правъ. Правъ уже по одному тому, что
въ этотъ годъ глумленія и надругательства надъ Россіей,
надо было хоть кому-нибудь за нее заступиться. А кто
могъ это сдѣлать лучше другихъ, какъ не Плехановъ,
въ теченіе сорока лѣтъ любившій свою родину страстной
любовью изгнанника! И онъ заступился за Россію.
Изнемогъ въ борьбѣ, но умеръ со знаменемъ въ рукахъ...

И вотъ въ моментъ, когда смерть уже подходила
къ Плеханову, къ этому знамени, знамени соціаль-де-
мократіи, не запятнанному пораженчествомъ и „интер-
націонализмомъ“, уже тянулись руки передовыхъ ра-
бочихъ.

Еще тогда, когда больной онъ лечился въ финляндской санаторіи, со стороны отдельныхъ группъ рабочихъ предпринимались попытки съѣздить къ нему и поговорить съ нимъ.

И по мѣрѣ того, какъ одно за другимъ сбывались самыя мрачныя изъ его предсказаний, желаніе услышать его голосъ росло и росло.

Его статьи о войнѣ перечитывались. За Невской заставой вспомнили его прошлогоднее выступленіе на Семяниковскомъ заводѣ. Совѣщаніе уполномоченныхъ обращается къ нему съ привѣтственной телеграммой. Неумнымъ и смѣшнымъ стали теперь казаться всѣ обвиненія Плеханова въ „соціаль-патріотизмѣ“ и шовинизмѣ. Чѣмъ то страннымъ и непонятнымъ стало представляться то, что Плехановъ волею „полномочныхъ органовъ революціонной демократіи“ былъ уволенъ отъ службы пролетаріату и революціи...

И вотъ теперь передовые рабочіе соціаль-демократы снова вмѣстѣ съ Плехановымъ.

А. Владиміровъ.